

Посетители идут!

Автор: [Samey90](#)

Оригинал: [Visitors Incoming!](#)

Сестра Редхарт наслаждается своим днем, попутно решая некоторые семейные проблемы. Подруги пытаются оживить обстановку в спальне? Поможем. Ревнивая жена? Без проблем. Вечный конфликт между поколениями? Ну, это только начало неприятностей.

Глава первая и последняя Парадокс бабушки

У Лир есть одна черта, за которую я не могу не уважать ее.

Она совершенно бесстыдна.

Ну, говоря это, я не имею в виду, что во время долгих ночных смен мы с ней прячемся где-нибудь в кладовке, чтобы изменять Бон-Бон до самого рассвета. Я в том смысле, что когда она попадает в больницу, то рассказывает всю правду о том, что же произошло, независимо от того, насколько это странно или ужасно. Гораздо удобнее, чем пытаться разобраться в наслоениях лжи, типа “он, вроде как, проскользнул в мою задницу”, “я выпил только одно пиво” или, что не менее важно, “я никогда не замечал, что вешу как молодой китенок”.

Однако иногда даже Лире не нужно ничего говорить. Бывают дни, когда все и так довольно очевидно.

— Дай угадаю, — говорю я. — Ты пыталась наколдовать своей горячей подружке-кобыле огромный член с яйцами?

— Да, — отвечает Лира. — Откуда ты знаешь?

— Просто обоснованное предположение, — поворачиваюсь к Бон-Бон. — Ты можешь рассказать нам, что произошло?

— Ко-ко-ко! — кудахчет Бон-Бон.

— Ну, одно у тебя точно получилось, — говорю я Лире. — С яйцами у вас проблем не будет.

Лира закатывает глаза.

— Я и без помощи медперсонала это заметила. Ты можешь вернуть все обратно? Я пыталась отвезти ее к ветеринару, но меня туда больше не пускают из-за предыдущего недоразумения.

— Какого недоразумение? — спрашиваю я автоматически, даже не задумываясь, действительно ли мне так нужны эти знания.

— Откуда мне было знать, что “выяснить половую принадлежность котят” не означает “узнать какой они ориентации”? — Лира пожимает плечами. — В любом случае, ты можешь превратить ее обратно?

— Не знаю, заметила ли ты, но у меня как бы небольшое отсутствие присутствия рога, — отвечаю я. — Если не можешь вернуть все как было сама, отправляйся к Твайлайт.

— Это может занять некоторое время, — отвечает мятная единорожка. — В последнее время она очень занята своими делами дружбы...

Дела дружбы — это да. Они, кстати, включают в себя терапию и восстановление после удара электрошокером, но это должно быть секретом. Конечно, как только Рэйнбоу Дэш узнала об этом, оно секретом быть перестало и превратилось в несколько неправдоподобный слух, но правила есть правила.

— И все же это, вероятно, наилучший для тебя вариант, — говорю я. — Может быть, кто-нибудь из врачей и может попытаться превратить ее, но я бы не стала рисковать. Они в основном используют магию для манипуляций с инструментами. Магия трансформации совсем не их епархия.

— Ладно, — Лира подхватывает Бон-Бон своей магией и встает. — Если нам все еще понадобится помощь, мы вернемся к тебе.

— Всегда пожалуйста, — ворчу я, когда они выходят из комнаты.

Думаю, пора выпить кофе. В коридорах полным полно пациентов, так что он, скорее всего, остынет еще до того, как я его выпью, но все равно стоит попробовать. Иду на нашу новенькую кухню, осторожно лавируя между каталками, носилками, подносами, полными таблеток или еды, и прочими тележками с инвентарем для уборки. По крайней мере, прямо сейчас я никому не нужна, так что просто прячусь на кухне.

Да, теперь у нас есть кухня, так что нам не надо пользоваться кофейным автоматом в коридоре. Сестра Перпл Харт, которая путешествовала по всему миру с различными армиями и знает множество экзотических блюд, говорит, что кофе из автомата напоминает ей копи-лувак¹, за исключением того, что покормить мусангов кофейными ягодами явно забыли.

Что касается кухни, то мы должны поблагодарить Пичи Плюм. Она сама работает в регистратуре на протяжении многих лет и успела приобрести иммунитет к почти всем инфекционным заболеваниям. Когда кто-то обмолвился, что было бы здорово иметь нормальную кухню, то она отправилась в совет директоров и сделала вид, что сейчас начнет кашлять. Деньги на кухню из бюджета больницы были выделены просто мгновенно.

Плюхаюсь на стул возле кофейника и смотрю на пони по другую сторону стола. Я ожидала, что это окажется Нерсори, но она уехала в Кантерлот на какую-то конференцию для младшего медицинского персонала, где, скорее всего, бухает с медсестрами со всей Эквестрии. Поскольку у нас постоянно не хватает персонала, а никто не хотел, чтобы Атом Харт шлялась где-нибудь поблизости от пациентов, мы решили остановиться на Перпл Харт — резонно предположив, что одноглазая медсестра, которой наплевать на запрет курения и которая впадает в панику всякий раз, когда слышит звук пишущей машинки, все же лучше, чем радиоактивная психопатка с интеллектом сумасшедшей белки.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Перпл Харт затягивается сигарой и делает глоток кофе.

— Куча жеребят с диареей. Ничего особенного. В Зебрике мы все болели дизентерией. А вот это уже серьезно.

Наливаю себе кофе. Лучше не поощрять ее рассказывать истории, иначе они в конце концов скатываются во что-то безумное, незаконное или и то и другое одновременно. С другой стороны, она спасла мой круп, когда меня отправили на разбирательство с дисциплинарной комиссией, так что я вроде как задолжала ей.

— Те, кто пережил дизентерию, потом заболели холерой, — продолжила Перпл Харт. — Это было довольно раздражающе, тем более что некоторые пегасы все еще пытались летать, поэтому постоянно приходилось следить за небом. Мы были посреди пустыни, так что если что-то мокрое упало тебе на голову, то это, скорее

¹ Процесс производства зёрен кофе копи-лувак состоит в том, что мусанги (зверёк семейства виверровых) поедают спелые плоды кофейного дерева, переваривают окружающую кофейные зёрна мякоть и испражняются зернышками кофе, которые затем собираются людьми, моются и сушатся на солнце.

всего, не дождь. Большую часть этого времени я провела в своей палатке, стараясь не умереть.

— Как же ты смогла это все пережить? — спрашиваю я.

Перпл Харт бросает на меня взгляд, который точно будет преследовать меня в кошмарах.

— Наверное, все дело в моем исключительном чувстве юмора.

— Конечно, — отвечаю я, делая большой глоток кофе. Чем скорее я отсюда свалю, тем лучше. Я бы предпочла избежать судьбы того бедного стажера из отдела кадров. Он заметил, что Перпл Харт ведет все свои заметки карандашом и, вопреки здравому смыслу, решил подарить ей пишущую машинку.

Излишне упоминать, что объявление "нам нужен новый стажер" мы писали с помощью пера.

Быстро допиваю кофе и отправляюсь в приемный покой. Я почти уверена, что в конце концов кому-то понадобится. Там полно пони, и Пичи Плюм с трудом удается поддерживать порядок; она только что снова выгнала Клауд Кикер и теперь объясняет Даймонд Тиаре, что если ей нужны презервативы, то ей проще пойти в магазин.

— Пичи, успокойся, — говорю я. — Самый большой магазин в городе принадлежит ее отцу. Неудивительно, что она не хочет туда идти за презервативами.

— Именно это я ей и говорила, — бурчит Даймонд. — Кроме того, я тут, между прочим, пытаюсь быть ответственной в этом вопросе, верно?

— Аптека слева, — отвечаю я. — У вас уже были уроки с сестрой Свитхарт?

— Давным-давно, — кобылка закатывает глаза. — Я все прекрасно знаю, не волнуйся. В конце концов, я же не забеременела за последние два года.

— Ох уж эти современные жеребята, — качаю головой, когда она уходит.

— Два года? — переспрашивает Пичи Плюм. — А сколько ей вообще лет?

— Наверное, примерно тот же возраст, что у Свитхарт, когда она начинала. Ни одно поколение не обходится без хотя бы одной розовой шлюхи.

Пичи Плюм хихикает.

— Да уж, было время... Кстати, Редхарт, почему ты до сих пор не замужем?

— Единственные жеребцы, которых я знаю, либо врачи, либо пациенты, — отвечаю я. — И ни с кем из них мне не хотелось бы жить вместе. Кроме того, у меня дома полный бардак, и я никогда там не бываю. У меня даже кошки нет, потому что она помрет с голоду.

— Оно и понятно, — Пичи Плюм качает головой. — Тебе следует хоть время от времени расслабляться...

Вот только этого мне и не хватало. Старые кобылы советуют мне расслабиться. К счастью, какой-то кириин подходит к нам, спасая меня от продолжения этого разговора. У меня и правда все не очень хорошо в плане отношений с другими пони.

— Прошу прощения, — говорит кириин. У них трудно отличить кобылу от жеребца, но, по крайней мере, этот голос определенно женский. Она молода и, кажется, немного нервничает. Надеюсь, она не собирается сообщить мне, что продолжает кашлять. — Вы не знаете, что там с моим мужем?

Вот Тартар, опять отношения.

— Не знаю, — отвечаю я. — Куда они его увезли? Я могу сходить туда и уточнить у кого-нибудь.

— Палата номер десять, — отвечает кириин. — Пожалуйста, скажите ему, что я на самом деле этого не хотела!

— Конечно, — пожимаю плечами. Понятия не имею, что она имеет в виду, но утешать и подбадривать пони — моя работа. Ну, пони, кириинов, гриффонов и всех остальных, кто бродит по Понивиллю в наши дни. За исключением чейнджлингов, потому что их органы настолько странные, что у нас есть для них отдельный специалист.

Конечно, как только я открываю дверь палаты номер десять, то вспоминаю, что мы в Понивилле. Сраная столица всех странностей мира.

— Тенди, кончай болтаться без дела, дай мне еще этой синей дряни, — говорит Колдхарт, делая что-то с пациентом, лежащим на спине. Не могу точно сказать, что она делает, но судя по ее положению и положению пациента могу сказать, что скоро жена пациента будет очень сердита.

На всякий случай надо глянуть, где ближайший огнетушитель.

— Уже кончила, иду! — восклицает Тендерхарт. Интересный выбор слов.

— Привет, — говорю я, когда она пробегает мимо меня.

— Ох... — Тендерхарт останавливается, роняя контейнер с какой-то мазью. Она смотрит на Колдхарт, на меня и снова на Колдхарт. — Это не то, чем кажется.

— Надеюсь. Иначе мне пришлось бы спросить, почему Колдхарт снова дрожит пациенту, — смотрю на жеребца. — Хотя этот, по крайней мере, живой.

— Да иди ты, — бурчит Колдхарт. — Я прикоснулась к члену мертвеца только потому, что Тенди меня на это подбила, а вы ведете себя так, будто я какая-то шалава.

Она поворачивается ко мне, и я вижу, что ее передние копыта покрыты какой-то синей субстанцией. Так же, как и копыта пациента, его гениталии и лоб Колдхарт — думаю, она решила вытереть пот в середине того, чем бы она там не занималась.

— Тогда что здесь происходит? — спрашиваю я, стараясь не задумываться, почему это Колдхарт вдруг решила вести себя один в один как Свитхарт.

— Ничего веселого, — отвечает Колдхарт, пожимая плечами. — Этот жеребец просто развлекался со своей женой. Ну, знаешь...

— Знаю, — тяжело вздыхаю.

— Судя по тому, что мы выяснили, он произнес не то имя, — Тендерхарт тоже пожимает плечами. — Имя его бывшей или что-то в этом роде. Еще из школы, короче там все давно кончилось. Как можешь догадаться, его жена отнеслась к этому не сильно хорошо.

— Надо думать, — смотрю на пациента. Он стонет, прикрываясь крыльями.

— И самое важное, что она кириин, — продолжает Колдхарт. Ну, это я и так знаю, но теперь, думаю, понимаю к чему все идет. — Короче, она разозлилась, и он внезапно узнал, что чувствуешь, когда трахаешь раскаленную печку.

— Ой, — шиплю я, глядя на пациента. — С ним все в порядке? Я в том смысле...

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — Колдхарт закатывает глаза. — К счастью для него, они пытались зачать жеребенка.

— И почему это вдруг “к счастью”? — спрашиваю я.

Свитхарт хихикает:

— А ты представь, что там был бы еще и расплавленный презерватив...

— Может прекратите, а? — стонет пациент. — У меня очень живое воображение!

— Не волнуйтесь, все будет хорошо, — успокаивает его Тендерхарт. — Скоро мы отправим вас в ожоговый центр в Мэйнхэттене. Там прекрасные специалисты, и после того, как они вас подлатают, все будет работать. Тем более, что вы пегас.

— Да, ускоренная регенерация, — поясняет Колдхарт. — Разве что у вас может остаться симпатичный шрам...

— И вы сможете рассказывать кобылицам историю, откуда он взялся, — добавляет Тендерхарт с ухмылкой.

— В том смысле, когда вашей жены не будет рядом, — Колдхарт бросает на свою коллегу предупреждающий взгляд. — В противном случае, лучше использовать асбест.

— Но не все время, — добавляет Тендерхарт. — Генетические мутации, риск развития рака...

— Вот именно это я и хотел услышать, — пациент закатывает глаза. — Кроме того, я даже боюсь гадать, что за жеребята у нас получатся.

— В худшем случае у вас будет крылатый кири́н, — отвечает Тендерхарт. — Тогда предлагаю делать весь дом огнеупорным. Конечно, мне не нужно говорить вам, что для жеребенка-пегаса не существует полка, слишком высоких, чтобы туда дотянуться, так что...

— Тендерхарт, — бурчу я.

— Да?

— Заткнись.

— Конечно, — медсестра кивает. — Думаю, нам следует... э-э-э... подготовить пациента к перелету в Мэйнхэттен.

— И чем скорее, тем лучше, — говорит пациент и поворачивается ко мне. — У вас весь персонал такой?

— Нет, — отвечаю я. — Вам когда-нибудь делали рентген в нашей больнице? Атом Харт использует свою технику, чтобы жарить яйца на завтрак.

Пациент вздрагивает.

— Слава Селестии, что меня переводят.

— Еще один счастливый пациент, — бормочет Колдхарт. — Интересно, та медсестра, с которой мы познакомились на конференции в прошлом году, все еще работает в Мэйнхэттене? Симпатичная кобылка, но пары шариков в голове не хватает, если хотите знать мое мнение.

Я бы помогла им с каталкой, но внезапно слышу какой-то шум снаружи. Учитывая, что Тендерхарт с Колдхарт уже заняты своим собственным пациентом, то похоже пришло время и мне явить свои профессиональные навыки.

Выбегаю из комнаты и первое, что вижу, это пару санитаров, пытающихся удержать какую-то молодую единорожку на одном месте. Это довольно сложно, так как она постоянно телепортируется из-под их копыт, появляясь в случайных местах, словно мигающая лампа или пульс у пожилого пациента.

Внимательно смотрю на нее. Она розовая, с белокурой гривой, в данный момент взъерошенной, полной всяких веточек и пропитанной кровью из большого пореза на лбу. Она телепортируется прямо передо мной и застенчиво улыбается.

— Что с ней такое? — шепчу я санитару. — Если не считать повреждения мозга.

— Извините, — говорит единорожка. — Какой сейчас год?

— Значит, повреждение мозга куда сильнее, — отвечаю я. — Если тебе действительно нужно знать, то прошло чуть больше тысячи лет со времен Найтмэр Мун и Дискорда. Хотя теперь, наверное, мы можем начать отсчитывать еще тысячу лет с того момента, как произошло очередное крупное дерьмо, так как у нас недавно подражатель музыкантам-металлистам, Королева Жукопони и какая-то шахматная жеребенка взорвали замок в Кантерлоте, а такое не каждый день происходит, даже с учетом местной специфики. Кроме того, у нас недавно была большая группа клонов...

Я замолкаю, видя, как единорожка заливисто хохочет, катаясь по полу.

— Это сработало! — кричит она. — Заклинание Старлайт сработало!

— Ну, здорово, — бормочу я. — Кто-нибудь, позвоните в клинику принцессы Луны для психически неуравновешенных единорогов. Старлайт снова дала кому-то непроверенное заклинание.

— Только не ваша Старлайт! Ну, в смысле, ваша, но она еще не давала мне заклинание, — восклицает розовая единорожка и пожимает плечами. — Это трудно объяснить.

— Что ты имеешь в виду? — уточняю я. Пациенты с повреждением головного мозга редко бывают разговорчивы, но когда это случается, они говорят очень странные вещи.

— Она даст мне это заклинание в будущем. Мне удалось попасть в прошлое! Двадцать пять лет! — Она поворачивается, и все пациенты в коридоре смотрят на нее. — Я, типа, еще не родилась!

— В дурку, — шепчу я санитарам. — Магический блокиратор, удобная смирительная рубашка, и пусть Файт Харт научит ее играть в шашки или во что там они сейчас играют, чтобы пациенты чувствовали себя менее безумными.

— Вроде сейчас они играют в шахматы, — говорит один из санитаров. — Но как по мне, сейчас они кажутся еще более безумными, особенно после того, как один из Сомбр начал выигрывать все турниры.

— Ладно, — отвечаю я. — Может, как раз она его и сможет победить.

Прочищаю горло и поворачиваюсь к будущему пациенту психушки.

— Как бы то ни было... как тебя зовут?

— Ластер Давн, — кобылка оглядывается. — Подумать только, моя бабушка работала в этой больнице. Ну, она, вероятно, все еще работает тут, с учетом текущего временного отрезка.

Ну, я надеюсь, что она не моя внучка. Хотя с другой стороны она бы меня узнала. Подожди, о чем я вообще? Она сумасшедшая или просто с травмой мозга. Она не из будущего.

Хотя, кто его на самом деле знает. Этот город видел и более странное дерьмо.

— Ладно, Ластер, — говорю я. — Для начала, нам нужно позаботиться о ране у тебя на лбу. И вообще, что с тобой случилось?

— Я вернулась в прошлое из своей комнаты в северном общежитии школы Дружбы, — отвечает кобылка. — Оказывается, что его еще не построили. Мне удалось смягчить падение с высоты третьего этажа... Ну, почти.

— Она говорит правду? — уточняю я у санитаря.

— Они нашли ее лежащей на земле после того, как Санберст споткнулся о нее, — отвечает тот. — Конечно, там нет никакого общежития.

— Интересно, — бормочу я, направляясь с Ластер в одну из палат. — Ты что-то пила? Или, может быть, у тебя были какие-нибудь кексы от Сэндбара?

— Что? — удивленно восклицает единорожка. — Нет, он не делает никаких “веселых” кексов. Он уже староват для этого, понимаешь? Правда, у киринов всегда полно пива, но некоторые говорят...

— Могу себе представить, — достаю из ящика несколько бинтов. — Ты раньше принимала какие-нибудь таблетки?

— Только те, что мне прописывали, — отвечает Ластер Давн. — У меня астма, прыщи, и однажды я думала, что подхватила что-то от одного грифона, но Фларри Харт сказала мне...

Угу, конечно. Я недавно видела Фларри Харт, когда она заболела скарлатиной во время визита Шайнинг Армора и Кейденс в Понивилль, и наиболее связанное слово, которое я от нее услышала, к большому огорчению ее родителей, было “блядь”. Возможно, она говорила еще что-то, но я была слишком занята, пытаюсь остановить ее подругу — бушующий вихрь из скарлатины и недиагностированного СДВГ по имени Роуг Даймонд, которая пыталась разрушить мой кабинет. Интересно, что из нее вырастет.

— Мне следует упомянуть, что она еще совсем жеребенок? — спрашиваю я.

— Ладно, думаю, она мне это еще скажет, — Ластер Давн пожимает плечами. — Когда путешествуешь во времени, всегда важно использовать нужные временные окончания. Мисс Глиссер всегда это говорит. Кроме того, важно знать, где находится твоё полотенце.

— Похоже, ты ударила сильнее, чем кажется, — говорю я. Придется сделать томографию. И позвать доктора Стэйбла.

Дверь открывается. Легок на помине. Входит доктор Стэйбл вместе со Свитхарт, которая, судя по всему, опять уваливает от работы — она все еще носит свой костюм для игры в бакбол. Всякий раз, когда я спрашиваю ее об этом, она говорит, что готовится к важному матчу против пони из ратуши, и что от этого зависит честь нашей больницы.

Честь? Честь в нашей больнице похожа на старых пони. Она приходит сюда, чтобы умереть.

— Привет, Редхарт, — произносит Свитхарт. — Мы слышали, что у тебя тут путешественница во времени.

— Ну, она действительно сильно ударилась головой, — отвечаю я. — И утверждает, что упала со здания, которое еще не построено, но...

Я замолкаю, чтобы глянуть на Ластер Давн, но она не обращает на меня внимания. Вместо этого единорожка уставилась на Свитхарт горящими глазами.

— Бабушка? — спрашивает она. — Ты так молодо выглядишь!

— О, спасибо, дорогая, — отвечает Свитхарт. — Если ты вдруг предпочитаешь кобыл, то мы можем найти какую-нибудь укромную кладовку и...

Она замолкает.

— Погоди... ты намекаешь, что моя дочь трахнулась с единорогом?!

— Селестия свята, — бормочу я. — Ты уже трахнулась с бесчисленным количеством единорогов. Да Дискорд тебя дери, ты даже с пациентом-яком трахнулась, поломав в процессе кровать. Почему твоя дочь не может трахнуть единорога?

Ластер Давн хихикает.

— По-видимому, именно это сказал тебе мой отец, когда мама сказала, что хочет выйти замуж. Или, вернее, скажет, — единорожка пожимает плечами и поворачивается ко мне. — Может быть, он услышал это от тебя? Тем не менее бабуля Свитхарт ответила, что она, по крайней мере...

— Я, по крайней мере, не рожала жеребят-единорогов, — простонала Свитхарт.

— Именно это, — говорит Ластер Давн.

— Кстати, а кто твой отец? — спрашивает Свитхарт. — Я интересуюсь, потому что мне нужно найти его и убить.

Доктор Стэйбл откашливается:

— Так, давайте не будем создавать временные парадоксы, ладно? Если ты убьешь ее отца, она не родится, и не скажет тебе, кто ее отец, и тогда ты не убьешь его...

— Ладно, мы поняли, — прерываю его я. — И кстати, почему все считают ее путешественницей во времени?

— У нас и более странные вещи случались, — отвечает доктор Стэйбл. — Помнишь того пациента, над которым все смеялись, потому что он утверждал, что он инопланетянин? И как все перестали смеяться, когда за ним прилетел его корабль, чтобы забрать.

— Да, но это исключение. В том смысле, что обычно у нас самый обычный регулярный, запланированный конец света. Свитхарт, что ты делаешь с пациенткой?

— Единорог? Seriously? — Свитхарт поворачивается ко мне. — Я закончила перевязку за тебя. Думаю, теперь нам нужно сделать ей сканирование мозга. Может быть, там окажется крошечный инопланетянин, сидящий в ее голове.

Свитхарт стонет:

— Но в самом деле? Единорог?

— Хватит уже, — говорю я со вздохом.

Мы все спускаемся по лестнице в царство Атом Харт, где есть рентгеновские аппараты, томографы, магнитно-резонансные штуковины и все остальное, что мы используем, когда хотим глянуть, чего там у пациента внутри, но резать их нам еще не разрешают. Конечно же, Атом Харт находится там, в окружении странных растений, которые она каким-то образом умудряется выращивать в подвале. Там же сидят два жеребенка и потягивают какао.

Seriously, я бы побоялась пить ее какао. Счетчики Гейгера рядом с ним просто с ума сходят.

— Динки Хувс, — говорю я. — Руби Пинч. Вы опять сбежали из педиатрического отделения?

— Нет, — отвечает Руби. — Мы пришли в аптеку за моими лекарствами от СДВГ и кое-чем еще для моей матери, но заблудились, а она рассказывает смешные истории.

Кобылка тычет копытом в сторону Атом Харт.

— Я как раз рассказывала им, как построила ядерный реактор на заднем дворе своего детского сада, — кобыла-рентгенолог ухмыляется.

— Хорошая история, — Свитхарт ухмыляется в ответ. — Если я правильно помню, твой родной город объявили опасным для проживания на ближайшую тысячу лет, не так ли?

— Эй, но, по крайней мере, я получила свою метку, — отвечает Атом Харт. — Аж со взрывом.

Динки смотрит на Ластер Давн.

— Что она здесь делает? Она еще даже родится не должна.

— О, наконец-то хоть кто-то мне поверил, — говорит Ластер Давн. — Подожди, я разве уже говорила тебе, что прибыла из будущего?

— Просто обоснованное предположение, — Руби пожимает плечами. — Ты попала сюда случайно или использовала какое-то заклинание?

Единорожка кивает.

— Да, заклинание старой мисс Глиммер. Она тебя ему тоже научила?

— Свезло тебе, — Руби вздыхает и встает, показывает Динки сделать то же самое. — Нам лучше поторопиться. Я бы предпочла не участвовать в этом снова.

— Снова? — переспрашиваю я. — Что ты имеешь в виду?

— Увидите, — с этими словами Руби и Динки выходят из кабинета Атом Харт. Какие странные кобылки.

— Странные жеребята, — говорит Ластер Давн. — Кроме того, вы что-то говорили о томографии.

— Ага, это совсем не больно, — говорит Атом Харт. — В том смысле, что никто из моих пациентов никогда не жаловался. Конечно, некоторые из них были без сознания, но они не жаловались.

— Я не знаю, что это такое, — Ластер застенчиво улыбается.

— Правда? — спрашивает Свитхарт. — Если клиника принцессы Луны для психически неуравновешенных единорогов в будущем все еще работает, то у тебя, вероятно, их было бесчисленное множество.

— Возможно, это устаревшая технология, — единорожка пожимает плечами. — В том смысле, что я не специалист в медицине, но эта больница может быть просто немного примитивной...

— Да, конечно, — ворчит Свитхарт. — Например, пациенты, которые плохо себя ведут, получают бесплатные клизмы. С острым соусом, если они особенно раздражают персонал.

— Хорошо, бабушка, — Ластер Давн закатывает глаза. — Ладно, где эта машина?

Атом Харт улыбается, демонстрируя зубы, которые могут напугать любого стоматолога.

— Чувствуй себя как дома, — она идет в палату с томографом, предлагая нам следовать за ней.

Мда, в этих палатах не мешало бы покрасить стены. Лампы тоже мерцают и выглядят так, будто готовы развалиться в любую минуту. В подвале нашей больницы можно фильмы ужасов снимать. Если верить Свитхарт, кое-кто уже снимал, правда это был не совсем фильм ужасов. И, вроде как, Свитхарт и ее тогдашний любовник решили закопать кассеты в заброшенной шахте и никогда больше о них не говорить.

Кажется, что на Ластер Давн атмосфера ужаса тоже подействовала. Она смотрит на томограф и тычет в него копытом.

— Мне обязательно в него ложиться?

— Ага, — отвечаю я. — Не волнуйся, это не больно. У тебя есть аллергия на радиоконтрастные препараты?

— Откуда мне знать? — единорожка пожимает плечами. — Мне их никогда раньше не давали. Кроме того, у меня может быть небольшая клаустрофобия.

— И ты еще называешь себя моей внучкой? — простонала Свитхарт, подходя к ящику и хватая ртом катетер. — Надеюсь, ты хоть иголок не боишься.

— А для чего он нужен? — спрашивает Ластер, отступая назад.

— Знаешь, было бы лучше, если бы ты не улыбалась как психопатка, — говорит Атом Харт, подходя к Свитхарт. — Кроме того, катетером и препаратами я займусь сама.

Она зажигает свой рог — я когда-нибудь упоминала, что даже ее магическая аура выглядит как светящийся уран? — и левитирует катетер из копыт Свитхарт.

— А это так уж необходимо? — Ластер Давн засвечивает свой рог, останавливая катетер магией. Ее аура искрится от контакта с аурой Атом Харт. — Я имею в виду, для чего он нужен?

— Чтобы мы могли посмотреть, что у тебя в голове, — отвечает кобыла-рентгенолог.

— Да, но так ли уж необходима игла? — Ластер отталкивает Атом Харт своей магией. Насколько я знаю единорогов, лучше не стоять рядом, когда их магия начинает искрить. Сегодня у нас уже был один пациент с ожогами.

— Нет, мы конечно можем сделать это и без иглы, но будет еще больнее, — Атом Харт пожимает плечами. Это отвлекает ее на долю секунды — ровно настолько, чтобы магическая аура Ластер переборола ее, заставив пакет с катетером взлететь в воздух, как маленькое пушечное ядро.

Он с громким звоном ударяется о лампу. Старая проволока скрипит, и лампа падает.

Прямо на голову Свитхарт. Просто великолепно.

Та падает с грохотом, отчего несколько плиток трескаются. Как я уже говорила, эта палата остро нуждается в ремонте.

— Она умерла? — спрашивает доктор Стэйбл.

— Понятия не имею, — отвечаю я. — Ты же здесь врач. По крайней мере, я так слышала.

— Согласен, — доктор Стэйбл бросается к Свитхарт. Лампа смяла ее шапочку и оставила длинный порез на голове.

— Э-м-м... — Атом Харт смотрит на Ластер Давн, которая сидит на полу, тяжело дыша. — С тобой все в порядке?

— Если я убила свою бабушку... — шепчет единорожка. — Мисс Глимммер предупреждала меня об этом.

Свет мигает. Все становится лучше и лучше. Что, если мы просто создали какой-то темпоральный парадокс? Может быть, мир за пределами этой палаты уже

не существует. Или, по крайней мере, сломан до невероятности, с жуткими глюками и странными сбоями.

— Не волнуйся, — говорит Атом Харт. — Ее дочь уже родилась. Кто знает, может быть, твои родители познакомились на похоронах?

— Нет! — кричит Ластер Давн. — Она жива в будущем!

— Подожди, мы не знаем, мертва ли она, — поворачиваюсь к доктору Стэйблу. — Кстати, как она?

— Не чувствую пульса, — отвечает жеребец, нахмутив брови.

— Божечки, — Ластер с рыданиями падает на пол. — Я создала временной парадокс и, возможно, разрушила вселенную. Твайлайт убьет меня, когда узнает.

— Она может и не узнать, — замечает Атом Харт. — Я имею в виду, что теперь ты можешь навсегда застрять в этой временной линии, так что...

— Пользы от тебя ноль, — бормочу я, наблюдая, как доктор Стэйбл ищет хоть какие-нибудь признаки жизни у Свитхарт. То есть я всегда считала, что у нее череп куда прочнее. Хотя кто его знает, может быть, она получила травму во время матча по бэкболу, и лампа ее добила. Я имею в виду, что один парень в нашей больнице упал ночью с кровати и...

Хм, наверное, мне стоит начать помогать. В том смысле, что лампа выглядит тяжелой, но, возможно, шанс все еще есть. Кроме того, я не хочу, чтобы кто-то подал на меня в суд за то, что я не помогаю, даже если Свитхарт была той еще занозой в крупе.

Дискорд подери, кто же теперь будет меня злить?

— Мне принести дефибриллятор? — спрашиваю я после того, как Стэйбл заканчивает в очередной раз давить на грудную клетку.

Свитхарт открывает один глаз.

— Эй, я не занимаюсь электрофилией на первом свидании, — бормочет она.

— Ты жива! — восклицает Ластер Давн, подбегая к Свитхарт.

— Конечно, — бормочет та, потирая голову. — Я давно очнулась, но он как раз перешел к искусственному дыханию.

Свитхарт ухмыляется доктору Стейблу.

— Ты чуть не сломал мне ребро, плохой жеребчик. Кроме того, ты пульс не можешь ни у кого найти.

— Могу, — доктор Стэйбл краснеет. — Просто трудно найти твой пульс, из-за...

— Кучи жировой ткани, которая мешает, — говорю я.

Свитхарт хмурит брови и пытается встать, но, видимо, лампа ударила ее сильнее, чем кажется, потому что она пошатывается и садится.

— Ты хочешь намекнуть, что я толстая?

— Это не намеки, это общеизвестный факт, — отвечаю я.

— Это гены.

— Гены, которые заставляют тебя испытывать неодолимую тягу к торговым автоматам, — говорит Ластер Давн. — Я помню это с детства.

Свитхарт поворачивается ко мне.

— Если я засуну эту лампу ей в задницу, вызовет это временной парадокс?

— Помимо всего прочего, это вызовет отправку тебя на дисциплинарную комиссию, — отвечаю я. — А Перпл Харт сегодня в паршивом настроении.

— Хотя мне очень нравилась твоя стряпня, — быстро говорит Ластер, видимо решив, что лучше не рисковать и не проливать свет на то, что осталось позади. Или, если отбросить философию, избежать приобретения нового комплекта задних габаритных огней.

— Это мило, дорогая, хотя все еще... — Свитхарт прервалась, заметив, что Ластер немного побледнела. — С тобой все в порядке?

— У меня немного кружится голова... — пробормотала единорожка, прежде чем рухнуть на пол.

— Это у вас семейное, что ли? — спрашиваю я, подходя к ней. Она дышит и, кажется, с ней все в полном порядке, хотя думаю, что сочетание магического напряжения, обезвоживания и побочных эффектов от падения с большой высоты просто наконец ее доконало. Лучше унести ее отсюда – в пещере Атом Харт понятие свежего воздуха довольно условное.

— Ну, круто, — ворчит Свитхарт. — Теперь и у меня голова кружится, хотя, учитывая насколько близко я только что познакомилась с лампой, это объяснимо. Я бы оценила состояние по шкале комы Гласкоу как умеренное оглушение, хотя такое чувство, что язык начинает заплетаться...

— Есть немного, — говорю я, помогая Атом Харт переложить Ластер Давн на носилки. — Спишем все на контузию.

— Да, думаю, несколько дней в травматологии пойдут вам на пользу, — говорит доктор Стэйбл. — Просто чтобы убедиться, что ни у кого из вас нет кровоизлияния.

— Йей, — Свитхарт закатывает глаза. — Опять больничная еда.

* * *

Как и ожидалось, Нерсори Райм вернулась из Кантерлота растрепанной, похмельной и просто уставшей. Думаю, она не скоро расскажет о том, что узнала на конференции младшего медперсонала. Тем более что у нас опять катастрофически не хватает сотрудников.

— Почему Перпл Харт приказывает пациентам стоять смирно? — спрашивает Нерсори. — И вообще, что она здесь делает?

— Колдхарт свалилась на диван после двух суток работы без сна, — отвечаю я. — Однако Тендерхарт будет здесь с минуты на минуту.

— Отлично, — Нерсори потирает виски. — А что случилось со Свитхарт? Я не видела ее с тех пор, как вернулась, и признаться, мне не хватает того, как она обзывала меня мелким умненьким дерьмецом.

— Она выбыла из игры еще на несколько дней, — отвечаю я. — Ее внучка уронила лампу ей на голову, и теперь их обоих разжаловали в пациенты.

Младшая медсестра неуверенно хмурится.

— Как же я пропустила беременность дочери Свитхарт? И потом, кто посмел? Я так понимаю, что он уже мертв?

— Ее внучка прибыла из будущего. Сама она не может колдовать из-за сотрясения мозга, поэтому ей придется остаться здесь на несколько дней. Но, по крайней мере, она сказала мне, кто выиграет хуфбольную лигу в следующих десяти сезонах.

Нерсори тяжело вздыхает.

— А те две странные медсестры из Фоалриды говорили, что травка безвредна... У меня что, все еще галлюцинации?

— Боюсь, что нет, — отвечаю я. — Кроме того, вчера медсестры из отделения травматологии сказали мне, что готовы заплатить нам, если мы заберем Свитхарт и никогда больше не позволим ей попасть к ним.

— Это с чего вдруг?

— Она ужасная пациентка: постоянно жалуется, трахнула интерна в кладовке и решила устроить гонки на инвалидных колясках, — пожимаю плечами. — Оказывается, она там совсем спятила от безделья. Честно говоря, не удивлена. Когда я была в психушке, то тоже начала сходить с ума.

— Разве не в этом весь смысл?

— Ну, может быть, и так, но... — я замолкаю, увидев, как к нам приближается Старлайт Глимммер. Она выглядит ужасно, если честно. У нее жуткие мешки под глазами, и я почти уверена, что в ее гриве есть несколько седых прядей, которых не было еще вчера. Я имею в виду, жизнь с Твайлайт Спаркл, конечно, является стрессом, но не до такой же степени.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я. — Неважно выглядишь.

— Я потеряла свою ученицу, — отвечает Старлайт, оглядываясь вокруг, словно проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь. Без проблем. В этой больнице ты можешь сказать, что трахнул тeneвую кобылу, которую встретил на прогулке, а потом у тебя яйца отвалились, и не получить ничего, кроме странного взгляда и антибиотиков. — Через всего лишь каких-нибудь двадцать лет Твайлайт ровно через пять минут узнает, что она пропала, так что я предпочла бы вернуть ее раньше. Вы ее не видели? Ее бабушка работает здесь, так что...

— А, так ты из будущего? — спрашиваю я. — Насчет Ластер не беспокойся. Она вроде как ударилась головой, но ей уже стало лучше.

— А, так вот почему ты выглядишь такой старой, — говорит Нерсори, как всегда крайне тактично. — А у вас там в будущем что, крема для от морщин нету?

— Он был запрещен по экологическим соображениям, — Старлайт закатывает глаза. — Я бы предпочла вернуть Ластер до того, как она вызовет еще один темпоральный пара...

Внезапно она вскрикивает и падает на пол.

Позади нее стоит еще одна Старлайт Глиммер. Эта выглядит намного моложе, и ее рог все еще дымится.

— Кто эта самозванка? — спрашивает она. — Я бы сказала, что это чейнджлинг, но в наши дни это, по-видимому, невежливо.

Единорожка подходит к нам и тычет копытом старшую Старлайт.

— О чем она говорила? Что-то насчет временных парадоксов?

Я смотрю на Нерсори, которая пожимает плечами. К счастью, нам не нужно отвечать. Роузлак, как обычно, с криком врывается в больничную дверь.

С другой стороны, это может быть и не такая уж большая удача. Совсем недавно мы выпустили ее из психушки, после того, как терапия наконец-то сработала, и ее удалось убедить, что она не кошка. Кроме того, думаю, что не стоит делать ставки на хуфбольные матчи в ближайшее время.

— Ужас! Солнце только что вспыхнуло и погасло! А еще я только что встретила свою покойную тетю, и Дейзи застряла в стене. — Роулзак вздрагивает. — Кроме того, вода в моем чайнике замерзла, когда я пыталась заварить чай, чтобы успокоиться, а потом Лили отрастила рог и пару крыльев летучей мыши.

— Похоже, кто-то снова сломал вселенную, — говорит Старлайт. — Может быть, Дискорд? Это, должно быть, именно Дискорд, иначе это означало бы, что кто-то сумел создать временной парадокс...

Она замолкает, смотрит на старшую версию самой себя и смущенно улыбается.

— Ой.

— Ой. Ну, конечно, — бормочу я. Нет, серьезно, Старлайт нужно поработать над самоконтролем, если она не хочет, чтобы в один прекрасный день ее младшее "я" выстрелило ей в спину. — И что теперь будет?

— Перезагрузка, я надеюсь, — отвечает Старлайт.

* * *

У Лир есть одна черта, за которую я не могу не уважать ее.

Она совершенно бесстыдна.

Ну, говоря это, я не имею в виду, что во время долгих ночных смен мы с ней прячемся где-нибудь в кладовке, чтобы изменять Бон-Бон до самого рассвета. Я в том смысле, что когда она попадает в больницу, то рассказывает всю правду о том, как она к нам попала, независимо от того, насколько это странно или ужасно. А еще у меня такое чувство, что я уже это кому-то говорила, но копыто на это ставить не буду.

— Дай угадаю, — говорю я. — Ты пыталась наколдовать своей горячей подружке-кобыле киску поуже?

— Да, — отвечает Лира. — Откуда ты знаешь?

— Просто обоснованное предположение, — поворачиваюсь к Бон-Бон. — Ты можешь рассказать нам, что произошло?

Бон-Бон смотрит на меня со всем презрением, на какое только способна.

— Мяу?

— Ну, одно у тебя точно получилось, — говорю я Лире. — Превратить ее в небольшую кошку ты смогла.